

О Софійскомъ сѣздѣ и необходимости славянскихъ сѣздовъ по вопросамъ религиознымъ.

I.

Ростъ національной идеи и вызываемая этимъ задача славянства. Впечатлѣнія прѣзда въ Болгарію и посѣщенія Плевны. Вліяніе воспоминаемой освободительной войны. Отношеніе къ нимъ сѣзда. Програмная рѣчь г. Крамаржа.

Въ наше время ясно замѣчается большое вліяніе національной идеи, стремленіе отдѣльныхъ племенъ объединиться по національностямъ и создать независимыя національныя государства. Недавно окончившійся XIX вѣкъ одинъ изъ французскихъ историковъ Де-Вогюэ справедливо назвалъ вѣкомъ національностей (le siecle des nationalités)¹⁾, а народы въ началѣ XX столѣтія, естественно, еще живутъ подъ воздѣйствіемъ того, что происходило и выработано въ теченіе прошлаго XIX вѣка.

Тенденція къ образованію національныхъ государствъ въ XIX вѣкѣ сдѣлалась могущественнымъ факторомъ развитія. Послѣдовательный ростъ націонализма въ Европѣ исторически называютъ господствующимъ явленіемъ новѣйшаго европейскаго развитія. Девятнадцатое и двадцатое столѣтіе, по разъясненію русскаго ученаго проф. П. Н. Ардашева, „можно назвать эпохой націонализма въ такомъ же смыслѣ, какъ XVIII вѣкъ называется вѣкомъ просвѣщенія, какъ XVI вѣкъ—временемъ реформаціи, какъ XV вѣкъ—эпохой гуманизма“²⁾. Разгромъ Пруссіи со стороны Наполеона вызвалъ огромную волну патриотизма среди нѣмцевъ, которая захватила даже такихъ лицъ, какъ философъ Фихте. Находившійся сначала

1) Pages d' Histoire. E. M. De Vogüé „de l' academie française“ Ch. III pag. 47. Paris. 1902 г.

2) Проф. П. П. Ардашевъ. Націонализмъ на Западѣ. Кіевъ. 1912 г., стр. 9.

подъ сильнымъ вліяніемъ космополитической философіи XVIII вѣка и доказывавшій, что просвѣщенный нѣмецъ его времени долженъ считать своимъ отечествомъ не Германію, а наиболѣе просвѣщенную страну Европы, въ 1807—1808 году Фихте обратился уже съ горячимъ призывомъ къ нѣмецкому народу съ цѣлью пробудить въ немъ національное сознаніе и вызвать стремленіе къ національному объединенію. Этотъ общій взрывъ патриотизма среди нѣмцевъ не остался мертвой силой и привелъ ихъ къ политическому объединенію. Образовалось могущественное государство Германія, которая съ тѣхъ поръ завоевала уже одну изъ первыхъ ролей въ мірѣ и съ большимъ успѣхомъ проводитъ въ немъ свои германскія начала. Стремленіе это сильно укоренилось въ Германіи и представляетъ движущую силу дѣйствій огромнаго большинства нѣмцевъ. Даже нѣмецкіе социаллисты, долженствующіе по требованію своего ученія настаивать на національномъ обезличеніи народовъ, и тѣ еще не могутъ отдѣлаться отъ сознанія себя прежде всего нѣмцами, обязанными служить дѣлу германизма.

Посмотримъ затѣмъ на Англію. Каждый англичанинъ, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ, прежде всего старается быть и заявить себя англичаниномъ. Онъ всячески готовъ отстаивать и всюду сохранять свои народныя особенности и черты.

Примѣры нѣмцевъ и англичанъ ясно показываютъ, что высокое культурное развитіе, какое мы находимъ у этихъ народовъ, нисколько не препятствуетъ живости и силѣ національнаго сознанія.

Вспомнимъ кромѣ того о сравнительно недавнемъ политическомъ объединеніи Италіи и о сопровождавшихъ его идеяхъ, о стремленіи даже маленькой Греціи къ панэллинизму, о выступленіи на мировую сцену Японіи, крѣпко связанной своей національной идеей и благодаря жизненности этой идеи въ народѣ достигшей большихъ успѣховъ въ послѣдней войнѣ... Что такое наконецъ политическая жизнь Австро-Венгріи, какъ не борьба многихъ входящихъ въ ея составъ національностей? Борьба эта идетъ почти непрерывно и лишь мѣняетъ свои формы, дѣлаясь то болѣе духовной и тонкой, то болѣе внѣшней и грубой, во время которой люди какъ-будто нарочно издѣваются надъ, такъ называемыми, неотъ-

емлемыми правами челоуѣка и гражданина. Напряженная борьба народностей въ Австро-Венгрии представляетъ борьбу идей, дополняемую борьбой интересовъ. Она особенно затрогиваетъ интересы всего славянства и не можетъ не отражаться на его общемъ положеніи.

Вообще въ челоуѣческой природѣ, повидимому, еще глубоко коренится стремленіе къ національнымъ группировкамъ и оно является однимъ изъ дѣйствительныхъ фактовъ.

Живущія еще въ народахъ національныя чувства и стремленія, конечно, не могутъ быть оставляемы безъ вниманія политическими и общественными дѣятелями только потому, что нѣкоторыя современныя ученія о государствѣ и разныя придумываемыя въ типичн кабинета теоріи открываютъ походъ противъ національной идеи. Помимо всего другого влияние такихъ ученій въ жизни народовъ еще слишкомъ слабо и эти ученія теряютъ всякое значеніе, какъ только появляется угроза какому либо общему интересамъ народа. Кто желаетъ дѣйствовать среди современной дѣйствительной жизни, тотъ не можетъ игнорировать вопросовъ, связанныхъ съ національностью.

Все это для каждаго народа, считающагося съ реальными условіями жизни, выдвигаетъ вопросъ о національности. Если народъ не желаетъ потерять свое національное лицо и быть поглощеннымъ окрѣпшими духовно и политически объединенными сосѣдями, то ему необходимо возможно шире и глубже развивать свое національное сознаніе и дѣйствовать въ этомъ духѣ.

По многимъ причинамъ слабѣе другихъ народовъ въ этомъ отношеніи до сихъ поръ стояло славянство.

Поэтому всѣ желающіе сохраненія славянства на міровой аренѣ, его процвѣтанія и влияния на челоуѣческую культуру, должны всячески способствовать оживленію и поддержанію славянскаго духа и укрѣплять взаимныя связи въ славянствѣ.

Съ этой стороны вообще слѣдуетъ признать важными обнаружившіяся за послѣдніе годы попытки возможно крѣпче объединить славянъ на культурной почвѣ, установить между ними прочныя, уменьшающія ихъ экономическую зависимость отъ другихъ народовъ торговыя отношенія, усилить общеніе литературой, созывать съѣзды славянскихъ ученыхъ, способствовать славянской туристикѣ и т. п.

Въ этомъ отношеніи нужно очень привѣтствовать всеславянскіе съѣзды, Пражскій 1908 года и Софійскій 1910 года, а затѣмъ и возникшія въ связи съ ними разныя славянскія общества, поставившія себѣ цѣлью осуществленіе указанной задачи.

Не слѣдуетъ только забывать, что и ранѣе среди славянъ разныхъ странъ поддерживалось сознаніе важности для нихъ общеславянскаго дѣла. Оперу для этого дѣла они естественно искали въ Россіи, какъ въ самостоятельномъ и могущественномъ государствѣ, оказавшемъ вліяніе на самую исторію Европы. Съ другой стороны въ Россіи естественно возникло стремленіе поддерживать славянъ, живущихъ внѣ ея предѣловъ, потому что безъ такой помощи разрозненныя славянскія народности могутъ быть совсѣмъ подавлены разными враждебными и болѣе могущественными силами. На этой почвѣ въ Россіи образовалось, такъ называемое, славянофильское движеніе, стремящееся поддерживать главнымъ образомъ духовное общеніе со славянами. Представители славянофильства старались разъяснить необходимость для насъ заботъ о славянахъ и указывали на связь этого дѣла съ общими историческими и даже національными задачами Россіи. Въ этомъ направленіи славянофилы оказали большое вліяніе и на русскую политику и на русское общественное сознаніе. А уже однимъ этимъ развѣ они не сослужили великую службу славянству? Просвѣщеніе умовъ въ отношеніи сознанія важности для Россіи вопроса о славянствѣ и расположеніе сердець въ пользу славянства есть необходимая основа и залогъ успѣха для дѣла славянства въ какомъ бы направленіи его ни вести. Кромѣ того представителямъ славянофильства Балканскіе славяне во многомъ обязаны за ихъ дѣятельность, связанную съ освободительной войной 1877—1878 г.г. Подъ ихъ вліяніемъ развивался въ Россіи тотъ высокій подъемъ народнаго духа, который не остановился передъ огромными жертвами жизнью и матеріальными средствами, чтобы добыть Балканскимъ славянамъ политическую свободу и самостоятельность.

Въ виду распространенія нѣкоторыми невѣрныхъ свѣдѣній о славянофильствѣ, чтобы подорвать его значеніе, не лишнее выслушать, что говоритъ о немъ одинъ европейскій ученый, профессоръ F. Sigel, изучившій вопросъ о славянахъ.

Свидѣтельство его, какъ челоуѣка посторонняго, всего менѣе можетъ быть заподозрѣно въ какомъ-либо пристрастїи къ славянофильству.

Россія, утверждаетъ проф. Зигель, никогда и не думала о покоренїи или обрусенїи славянъ внѣ ея предѣловъ. „Славянофильская партїя имѣетъ въ виду самостоятельную, національную цивилизацію каждой страны, и достиженіе этой цѣли возможно только при условїи, если въ Славянскомъ мїрѣ сохраняются особенности народнаго языка, равно, какъ политическаго и соціальнаго устройства. Славянофильство держится той идеи, что единство безъ разнообразїя есть единообразіе смерти, и что сама жизнь выражается не иначе, какъ въ различныхъ видахъ и образахъ. Славянофилы утверждаютъ, правда, что знаніе Русскаго языка необходимо въ Славянскомъ мїрѣ и желательно его распространеніе, но никакъ не въ ущербъ національной рѣчи. Русскій языкъ долженъ служить только орудїемъ взаимнаго общенїя между славянами, и въ этомъ смыслѣ употребленіе его должно бы соответствовать употребленію Латинскаго языка въ Европѣ среднихъ вѣковъ или употребленію Французскаго языка въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Наконецъ, по мнѣнію славянофиловъ, желательно было бы, чтобы весь славянскїй мїръ былъ православнымъ“, въ чемъ Зигель видитъ средство для укрѣпленїя духовной связи, хотя самъ, вѣроятно, подъ влияніемъ преобладающаго въ Европѣ религіознаго индиферентизма, и не считаетъ этого необходимымъ для объединенїя славянъ. Стремленїя славянъ къ объединенію Зигель находитъ вполне естественными, соответствующими современнымъ условїямъ жизни, и обращаетъ вниманіе, что такія же точно стремленїя мы замѣчаемъ у итальянцевъ, у германцевъ, у американцевъ (Монроэ), даже вообще въ латинскомъ (панлатинизмъ) и въ тевтонскомъ племени (пантевтонизмъ) ¹⁾.

Въ дѣлѣ славянства, какъ видимъ, вполне возможно воспользоваться тѣмъ, что сдѣлано славянофилами, и продолжать ихъ работу, примѣняясь, конечно, къ современнымъ условїямъ и потребностямъ. Это было бы необходимо уже въ интересахъ сосредоточенїя и экономїи силъ, дѣйствующихъ

¹⁾ Проф. Зигель, Россія и Европа въ историческихъ условїяхъ соціальнаго и политическаго быта стр., 31—32. Москва 1906 г.

на пользу славянства, и кромѣ того подъ формою славянофильства славянское дѣло имѣло бы силу, такъ сказать, уже испытанную въ бояхъ, и притомъ въ такіе моменты славянской исторіи какъ освобожденіе Балканскихъ славянъ. Но, къ сожалѣнію, свойственное славянамъ неумѣнье объединяться и склонность къ узкой партійности и розни въ послѣднее время обнаружилось и въ общеславянскомъ дѣлѣ. Многіе лица, игнорирующие историческую роль Россіи въ вопросахъ славянства, и не понимающіе значенія для него религіознаго начала, стараются вызвать среди славянъ новое теченіе, которое готово пренебрегать славянофильствомъ, и во всякомъ случаѣ не поддерживать съ нимъ нравственно-духовной связи. Это теченіе стремится идти особо и въ отличіе отъ славянофильства принять названіе „неославизма“. Выразителями этого теченія и явились, сначала Пражскій, а затѣмъ Софійскій всеславянскіе съѣзды.

Но какъ бы тамъ ни было, а для укрѣпленія взаимныхъ связей въ славянствѣ нужно пользоваться всеѣмъ. Поэтому мы, убѣжденные, что славянство не только имѣетъ полное право на самостоятельное бытіе среди другихъ народовъ, но и можетъ сдѣлать отъ себя великій вкладъ въ мировую культуру, по предложенію Аксаковского литературнаго и политическаго общества въ Москвѣ въ Іюнь 1910 года охотно отправились въ Болгарію на всеславянскій Софійскій съѣздъ, въ качествѣ делегата общества.

По прибытіи черезъ Черное море на пароходѣ въ Болгарскій городъ Варну, вниманіе русскихъ делегатовъ сразу было привлечено тѣмъ глубокими движеніями духа, съ которыми встрѣтили Болгары русскую делегацию.

Присутствіе среди насъ генерала Столѣтова, подъ начальствомъ котораго болгары сражались за свою политическую свободу, естественно, доводило это движеніе духа до необычайныхъ вышнихъ порывовъ расположенія и благодарности.

Во время осмотра города, члены русской делегации посѣтили Варнскій соборъ и совершили въ немъ краткую молитву. И нужно было видѣть лица иныхъ Болгаръ, на которыхъ такъ и свѣтилась радость, что мы, русскіе молимся Богу, какъ и они, и что мы единой съ ними вѣры.

Подъ такими впечатлѣніями, вѣроятно, многіе изъ русской

делегации выѣхали въ Плевну. При посѣщеніи Плевны, эти впечатлѣнія все болѣе и болѣе нарастали, а при отѣздѣ достигли уже высокой степени напряженія.

Мы видѣли военный музей, хранящій все относящееся къ войнѣ за освобожденіе 1877—1878 годовъ. Съ какимъ стараньемъ и любовью собраны здѣсь разные предметы, начиная съ образцовъ оружія и кончая, книгами, содержащими всякаго рода свѣдѣнія и документы, касающіеся освободительной войны!

Мы посѣтили Зеленыя горы вблизи Плевны, откуда дѣйствовалъ Скобелевъ противъ турокъ. Прочтенная на этомъ мѣстѣ болгарскимъ офицеромъ генеральнаго штаба лекція о боѣ подъ Плевной заставила оживить въ душѣ разрозненныя воспоминанія о событіяхъ войны.

Наконецъ мы были приглашены въ обширный каменный храмъ, построенный около Плевны, въ память павшихъ здѣсь воиновъ, гдѣ болгарское духовенство отслужило панихиду. На этотъ разъ мы, русскіе, соединились уже въ общей молитвѣ съ болгарами за тѣхъ, кто положилъ свою жизнь за освобожденіе славянъ. Съ какимъ искреннимъ чувствомъ молились съ нами болгары и какую радость доставила многимъ изъ нихъ рѣдкая наша общая молитва объ одномъ и томъ же! Кромѣ того оказалось, что мы молились надъ костями. Когда послѣ панихиды мы сошли внизъ подъ храмъ, то вступили въ помѣщеніе, полное человѣческихъ костей, собранныхъ съ поля битвы и тщательно сохраняемыхъ.

Впечатлѣнія, связанныя со всѣмъ этимъ, естественно перенесли насъ ко времени войны за освобожденіе. Невольно припомнились свидѣтельства современниковъ, что тогда всеобщее одушевленіе широкой волной разлилось по обширной Россіи. Всѣ сословія, званія и состоянія, не говоря уже объ отдѣльныхъ лицахъ, соревновали одно съ другимъ въ щедрыхъ пожертвованіяхъ. Вся Россія, какъ бы соединилась въ одномъ великодушномъ порывѣ помочь освобожденію народовъ близкихъ по вѣрѣ и крови.

Невольныя вспомнились слова Императора Александра II, сказанныя имъ 30 Октября 1876 года при приѣмѣ депутацій въ Кремлевскомъ дворцѣ отъ дворянства и города Москвы: „Я знаю, говорилъ Государь, что „вся Россія вмѣстѣ со Мною принимаетъ живѣйшее участіе въ страданіяхъ нашихъ

братіи *по вѣрѣ* и по происхожденію“. Освобожденіе этихъ братіи государь понималъ какъ наше „святое призваніе“.

Замѣчательный русскій гражданинъ, Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, болѣе другихъ изучившій славянскій вопросъ и глубоко волновавшійся интересами славянства, въ разъясненіе этихъ словъ государя, справедливо обращалъ вниманіе народа, что наше призваніе не только въ огражденіи всему славянскому міру условій внѣшняго матеріальнаго безпрепятственнаго роста и существованія, т. е. независимости земель, морей и проливовъ, но и въ содѣйствіи *самостоятельности и свободѣ развитія самой сущности славянскаго духа*.

Эти указанія Аксакова находили тогда откликъ въ огромной части русскаго народа.

Въ отвѣтныхъ адресахъ Государю отъ разныхъ сословій и учреждений часто выступаетъ мысль, что дѣло освобожденія славянъ вызвано не какими-либо мелкими политическими расчетами, а связано съ историческими задачами Россіи и ея ролью, какъ носительницы православной идеи.

Въ адресѣ, представленномъ Императору Александру II, напр. отъ Московскаго дворянства и Городскаго управленія высказано, что дѣло освобожденія балканскихъ славянъ идетъ во благо нашимъ страждущимъ братіямъ, во благо челоуѣчеству, во славу истинѣ Божіей.

Такими мыслями и чувствами были полны въ верхнихъ слояхъ. А вотъ что происходило въ глубинѣ народныхъ массъ: Когда въ Россіи начали отправлять добровольцевъ на Балканскій полуостровъ, то на такую помощь славянамъ въ народѣ сейчасъ же стали смотрѣть какъ на христіанскій подвигъ.

Были села, свидѣтельствуютъ современники, гдѣ на мѣрскихъ сходахъ признавали необходимымъ хоть одного изъ сельчанъ послать для участія въ этомъ подвигѣ. Крестьяне міромъ снаряжали кого-либо изъ своей среды и съ благословеніемъ отправляли далеко отъ родины сражаться за единовѣрныхъ братьевъ. А когда этихъ людей спрашивали, зачѣмъ они ѣдутъ, то обыкновенно получали простодушный и искренній отвѣтъ: „хотимъ пострадать, хотимъ помереть за вѣру, положить души за други своя“.

И. С. Аксаковъ тогда же рассказывалъ въ своей рѣчи 6 Марта 1877 года, въ качествѣ предсѣдателя Московскаго Славянскаго Комитета, что въ Комитетъ явился проживавшій

съ своей семьей гдѣ-то въ глуши, въ деревнѣ, уже немолодой отставной унтеръ-офицеръ Федоръ и сталъ просить отправить его въ Сербію. Спрошенный, зачѣмъ онъ добивается этого, Федоровъ, пояснилъ, что „онъ еще можетъ пригодиться; что ему не въ терпѣжъ, что такъ себѣ положили помереть за вѣру и за нашихъ, за православныхъ“.

Федоровъ, по утверженію Аксакова, былъ въ то время явленіемъ не единичнымъ, а типичнымъ.

Вотъ какія мысли и чувства захватили тогда Россію и вотъ какія основанія полагала она въ своихъ отношеніяхъ къ славянамъ, когда вся страна всколыхнулась отъ великаго подъема духа и не щадила своей крови для освобожденія измученныхъ турецкимъ гнетомъ славянъ.

Прошедшая отъ одного края Россіи до другого огромная волна необычайнаго народнаго одушевленія замѣтно несла въ себѣ сознаніе духовной, религіозной близости къ намъ балканскихъ славянъ.

Все видѣнное и пережитое въ Плевнѣ, вмѣстѣ съ безмолвнымъ, но краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ костей десятковъ тысячъ русскихъ людей, павшихъ на поляхъ Болгаріи, едва ли не во многихъ изъ насъ произвело какое-то подобіе этой великой волны историческаго народнаго одушевленія и съ ея влияніемъ на душу, мы прибыли въ столицу Болгаріи,—Софію.

Естественно было ожидать, что назначенный въ Софію всеславянскій съѣздъ поможетъ закрѣпить въ душѣ возвышенное и располагающее къ великимъ жертвамъ настроеніе и сдѣлаетъ его еще болѣе сознательнымъ.

Но—увы!—Съѣздъ не далъ достаточнаго матеріала для поддержанія подобнаго настроенія въ душѣ и даже значительно понизилъ его уровень.

Главный руководитель съѣзда, избранный его почетнымъ предсѣдателемъ, членъ Австрійскаго рейхсрата г. Крамаржъ, оказался человекомъ не высокаго полета. Обыкновенный западно-европейскій парламентарій, буржуазнаго типа, привыкшій дѣйствовать среди борьбы политическихъ партій и ради политики дня и привлеченія голосовъ идти на разныя компромиссы г. Крамаржъ едва ли способенъ поддерживать на достаточной высотѣ духъ и руководить тамъ, гдѣ собираются не парламентскія партіи, а представители отдѣльныхъ

народовъ и гдѣ идетъ дѣло объ историческихъ судьбахъ и задачахъ цѣлаго славянства.

Уже самая рѣчь г. Крамаржа при открытіи Софійскаго съѣзда вышла бѣдна своимъ духовнымъ содержаніемъ. Она не только не потрясла сердца, но и едва-ли сдѣлала яснымъ все уму. Г. Крамаржъ просто повторилъ громкія слова: равенство, братство и свобода, которыя были провозглашены на Прагскомъ съѣздѣ какъ основаніе для всеславянскаго дѣла.

Эти красивыя, но мало содержательныя и уже очень за-тасканныя въ Европѣ слова невольно напомнили европейскіе и недавніе наши партійные митинги, на которыхъ проносящіе эти слова такъ и готовы были во славу идеи братства пожать людей иныхъ партій и другого мнѣнія. Нерѣдко на подобныхъ митингахъ дѣлается еще добавленіе, что, кто не раздѣляетъ рекомендуемаго пониманія, указанныхъ принциповъ, тотъ по меньшей мѣрѣ реакціонеръ, и даже чловѣкъ дурной, не желающій блага людямъ. Ужъ не знаю, почему,—но и г. Крамаржъ старался подчеркнуть въ своей рѣчи, что кто изъ славянъ не будетъ опираться въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ славянамъ на эти принципы, тотъ будто бы уже и не славянинъ. Можетъ быть, въ этомъ г. Крамаржъ просто явился отраженіемъ западно-европейскаго духа, хорошо подмѣченнаго Достоевскимъ. Духъ этотъ свилъ себѣ гнѣздо во Франціи, воспитанной на католическихъ идеяхъ, и отсюда распространился—по Европѣ.

Франція, по разъясненію Достоевскаго, теряющая религію, изъ идеи 1789 года развила свой особенный французскій социализмъ, но въ революціонерахъ конвента и въ своихъ атеистахъ и въ социалистахъ она все еще продолжаетъ быть націей всецѣло католической и склонной размышлять и дѣйствовать въ духъ римскаго католицизма. Устами такихъ людей Франція провозгласила: „Liberté, égalité, fraternité ou la mort“ (Свобода, равенство, братство или смерть), точь въ точь какъ провозгласилъ бы самъ папа въ его средневѣковомъ духѣ 4).

Во всякомъ случаѣ замѣчаніе г. Крамаржа едва-ли вызвано славянскимъ духомъ, какъ онъ обнаруживается въ исторіи.

4) Дневникъ Писателя, 1877 г. Январь.

Но кромѣ того самое провозглашеніе такихъ словъ въ качествѣ принциповъ дѣятельности отъ имени съѣздовъ, преслѣдующихъ интересы однихъ славянъ, является страннымъ и едва ли достаточно обдуманнмъ. Вѣдь слова: „равенство, братство и свобода“ космополитическаго происхожденія и связаны съ воззрѣніями не національнаго направленія. Они имѣютъ въ виду человѣка вообще, „гражданина вселенной“, а не замкнутаго въ предѣлахъ своей расы. Выставленіе ихъ въ качествѣ лозунга можетъ повести именно къ разрушенію дѣла національнаго, если, конечно въ эти слова не вложить какой-либо новый смыслъ, который уже во всякомъ случаѣ, слѣдовало бы подробно разъяснить... Наконецъ, если отвлеченныя принципы: равенства, братства и свободы вопреки ихъ основному смыслу признавать только въ отношеніяхъ къ людямъ одной расы, то и здѣсь практическое ихъ примѣненіе сразу возбуждаетъ большія недомыслія; на которыя ни Пражскій ни Софійскій съѣздъ, по видимому, совершенно не обратили вниманія.

Изъ исторіи Франціи мы уже хорошо знаемъ, къ чему можетъ приводить провозглашеніе необходимости исходить изъ указанныхъ отвлеченныхъ принциповъ для дѣйствій въ политической и общественной жизни.

Мы, конечно, не отвергаемъ великаго значенія принциповъ равенства, братства и свободы, выработанныхъ подъ вліяніемъ христіанства. Но христіанство не беретъ ихъ отрѣшенно отъ того процесса религіозно-нравственной жизни людей, который оно принесло міру. Христіанство полагаетъ ихъ не какъ существующій уже фактъ, а какъ идеаль, къ которому нужно стремиться людямъ, обыкновенно часто оправдывающимъ справедливость положенія, что homo homini lupus (человѣкъ человѣку волкъ). Человѣчеству необходимо прежде всего принимать всевозможныя мѣры для проведенія въ жизнь этихъ принциповъ въ связи съ обузданіемъ и уничтоженіемъ въ людяхъ волчьихъ инстинктовъ. Кромѣ того и самое осуществленіе этихъ принциповъ возможно лишь на религіозной христіанской почвѣ, на которой они и возникли.

Когда же равенство, братство и свобода разсматриваются, отдѣльно отъ христіанской жизни людей и чуть ли не какъ уже существующій фактъ, и на этомъ основываютъ свой образъ

дѣйствій, то развѣ это можно назвать реальной политикой, имѣющей достаточную почву въ дѣйствительной жизни?

Разсматривая всѣхъ людей, какъ дѣйствительно равныхъ, братьевъ и свободныхъ, можно скорѣе повредить этимъ идеямъ и способствовать распространенію среди людей волковъ.

Остановимся хотя бы на славянствѣ. Нечего скрывать, что въ немъ далеко еще не осуществлены указанные принципы. Отношенія, напр., болгаръ и сербовъ развѣ не оставляютъ желать лучшаго? У насъ у всѣхъ еще на памяти даже сербо-болгарская война, а въ Софіи мнѣ приходилось слышать, что болгары, столь желавшіе помѣщать на своихъ частныхъ квартирахъ прибывшихъ на съѣздъ русскихъ, пзбѣгали этого въ отношеніи сербовъ.

А затѣмъ поляки и русскіе развѣ уже воплотили въ своихъ взаимоотношеніяхъ идею братства? Поляки отказались даже участвовать на Софійскомъ съѣздѣ. Иные прямо объяснили это тѣмъ, что поляки хотѣли избѣгать непріятности быть свидѣтелями проявленій чувствъ расположенія къ благодарности Балканскихъ славянъ къ русскимъ за ихъ освобожденіе. Нѣкоторыя же польскія газеты отсутствіе на съѣздѣ поляковъ оправдывали тѣмъ, что поляки духовно ближе къ западно-европейскимъ народамъ. Не касаясь другихъ отдѣльных фактовъ, нельзя не замѣтить, что для воплощенія братства въ русско-польскихъ отношеніяхъ встрѣчается важное препятствіе въ самомъ различіи польской и русской души. Объ этомъ различіи свидѣтельствуютъ никто иной, какъ сами же представители поляковъ. Недавно напр., въ польской газетѣ „Варшавскомъ Курьерѣ“ по поводу смерти Л. Н. Толстого, было указано, что для поляковъ Толстой не можетъ имѣть такого значенія, какъ для русскихъ, и это объясняется различіемъ между польской и русской душой и ея интеллектомъ. Такое различіе, конечно, вполнѣ естественно, когда мы обратимъ вниманіе на разные процессы и условія исторической жизни русскихъ и поляковъ, и его могутъ игнорировать лишь тѣ, которые вообще забываютъ о душѣ людей.

Это различіе, сопровождающее нерасположеніемъ поляковъ къ Россіи, лежитъ у нихъ гдѣ-то глубоко, и надъ этимъ фактомъ часто задумывались люди, желающіе разяснить себѣ окружающую дѣйствительность.

Извѣстно, напр., что русскій философъ В. С. Соловьевъ,

который стремился къ объединенію всѣхъ народовъ и котораго уже трудно заподозрить въ какомъ-либо узкомъ націонализмѣ, не могъ закрыть глаза на существованіе для Россіи польскаго вопроса. Мало того, подъ формою этого остраго вопроса онъ усматривалъ проявленіе вѣкового великаго спора между Востокомъ и Западомъ.

Соловьевъ не могъ отрицать, что польскій народъ, братскій намъ по крови, враждебенъ однако по духу и что его передовая часть ненавидитъ насъ. Въ исторіи отношеній между Россіей и Польшей Соловьевъ признавалъ, что русское дѣйствіе въ Польшѣ не ограничивалось участіемъ въ трехъ раздѣлахъ, да подавленіемъ двухъ вооруженныхъ возстаній“. Въ 1814 г. Россія сохранила Польшу отъ неизбежнаго онемеченія. Если бы на вѣнскомъ конгрессѣ полномочный тогда императоръ Александръ I думалъ болѣе о русскихъ, нежели о польскихъ интересахъ, и присоединилъ бы къ Россіи русскую Галицію, а коренную Польшу возвратилъ бы Пруссіи, то теперь, вѣроятно, намъ не было бы надобности много разсуждать о Польшѣ и полякахъ. Если даже теперь польскій элементъ въ Познань, хотя имѣетъ у себя за спиною сплоченную шестимилліонную массу нашихъ поляковъ, избавленныхъ отъ германизации, все-таки, несмотря на эту опору, не можетъ устоять передъ нѣмцами и все болѣе и болѣе поглощается ими,—что же случилось бы, если бы нѣмцы были хозяевами въ главной части Польшы?

Далѣе, черезъ полвѣка послѣ Вѣнскаго конгресса Россія эманципациею крестьянъ освободила и Польшу отъ того ожесточеннаго антагонизма между панствомъ и холопами, который въ корнѣ подрывалъ жизненные силы Польшы и привелъ бы польскую народность къ конечной гибели. Уже поднявшіеся холопы стали повторять и у насъ галиційскую рѣзню и готовы были къ поголовному истребленію пановъ,—и только вмѣшательство русской власти остановило это истребленіе. Если бы оно совершилось, то польская народность, лишенная своего культурнаго класса, оказалась бы внослѣдствіи совсѣмъ безоруженою передъ напоромъ высшей германской культуры съ одной стороны и вліяніемъ русскаго элемента съ другой; тогда и пугало обрусенія могло бы получить реальный смыслъ. Но если отсутствіе сложившагося культурнаго класса пагубно для націи, то такъ же, и еще

болѣе пагубно исключительное господство этого класса надъ безправнымъ населеніемъ. Не даромъ популярная польская пѣсня спрашиваетъ пановъ, что у нихъ было въ головѣ, когда они погубили Польшу и себя съ нею. Русская власть, спасая польскую шляхту отъ ярости поднявшихся холоповъ и вмѣстѣ съ тѣмъ давая этимъ послѣднимъ гражданскую и экономическую свободу, обезпечила будущность настоящей, не панской только и не хлопской, а польской Польши. Наконецъ, несмотря на несправедливость и неразуміе нѣкоторыхъ отдѣльных мѣръ, русское управленіе доставило Польшѣ, по свидѣтельству даже иностранныхъ писателей, такое социальное-экономическое благосостояніе, какого она не могла достигнуть ни подъ прусскимъ ни подъ австрийскимъ владычествомъ... И если тѣмъ не менѣе польскіе патріоты скорѣе согласятся потонуть въ нѣмецкомъ морѣ, нежели искренно примириться съ Россіей, то значитъ есть тутъ болѣе глубокая *духовная* причина вражды. Польша является въ Восточной Европѣ представительницей того духовнаго начала, которое легло въ основу западной исторіи. По духовному своему существу польская нація и съ нею всѣ католическіе славяне примыкаютъ къ западному міру. Духъ сильнѣе крови. Несмотря на кровную антипатію къ нѣмцамъ и кровную близость къ русскимъ, представители полонизма скорѣе согласятся на оиѣмеченіе, чѣмъ на сліянiе съ Россіей. Западный европеецъ, даже протестантъ, ближе по духу поляку-католику, нежели православный русскій. Являясь передовыми борцами западнаго начала, поляки видятъ въ Россіи враждебный ихъ духовному существу Востокъ, силу чуждую и темную, и притомъ имѣющую притязаніе на будущность и потому несравненно болѣе опасную, чѣмъ, напр., турки и мусульманскій Востокъ, совершившіи свой кругъ и явно не способный ни къ какой исторической будущности... Въ Польшѣ мы имѣемъ дѣло не съ паружными формами Западной цивилизаціи, которыя уже приняты нами, какъ и поляками,—а съ самымъ духовнымъ началомъ всей западной жизни и исторіи, и мы тѣмъ менѣе можемъ обойти это начало, что оно воплощается для насъ въ видѣ близкой и тѣсно съ нами связанной народности. В. С. Соловьевъ утверждаетъ, что вѣшняго примиренія съ Польшею у насъ быть не можетъ.

Нельзя, по его мнѣнію, сойтись съ поляками ни на социальную ни на государственную почву. Въ социальномъ отношеніи сама Польша представляетъ непримиримое раздвоеніе между панамъ и хлопами. На государственной почвѣ соглашеніе невозможно, потому что здѣсь насъ встрѣчаютъ со стороны поляковъ только одни безпредѣльные и ни съ чѣмъ несообразныя притязанія. Возстановленіе польши 1772 года, затѣмъ Польши 1667 года, польскій Кіевъ, польскій Смоленскъ, польскій Тамбовъ—всѣ эти галлюцинаціи составляютъ пожалуй, естественное патологическое явленіе, подобно тому какъ голодный человѣкъ, не имѣя куска хлѣба, обыкновенно грезитъ о роскошныхъ шпіретахъ. Но голодный, проснувшись, будетъ благодаренъ и за кусокъ хлѣба; польскіе же патріоты удовлетворятся только Польшею своихъ грезъ. Можетъ быть, за этими грезами скрывается и то реальное чувство, что самостоятельная Польша въ строгихъ границахъ польской народности стала бы неизбежной жертвою Германской имперіи. Но вытекають ли отсюда права Польши на Кіевъ и Смоленскъ—это другой вопросъ. Если цѣною мира съ поляками должно быть порабощеніе нѣсколькихъ милліоновъ русскихъ крестьянъ, то къ такому миру не обязываетъ насъ христіанская политика: Ради мира можно приносить въ жертву матеріальныя выгоды, но не души и тѣла человѣческія. Просящему у тебя кафтанъ отдай и рубашку; но что скажешь просящему у тебя дѣтей твоихъ, чтобы обратить ихъ въ рабство? На этой почвѣ съ Поляками не можетъ быть и разговора“ 1).

При такихъ условіяхъ нужно отдѣлаться отъ земли и забыть происходящее на ней, чтобы игнорируя и не устраняя глубокую внутреннюю историческую рознь между двумя славянскими народами, ограничиваться провозглашеніемъ не существующаго между ними братства. В. С. Соловьевъ прекрасно понималъ, что для созданія братства между русскими и поляками прежде всего необходимо ихъ религіозное объединеніе, къ которому онъ и призывалъ эти народы 2).

Н. Кузнецовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

1) Полное собраніе сочиненій В. С. Соловьева. Т. IV. Спб. Великій споръ и христіанская политика, стр. 10—12, 14—15.

2) Тамъ же стр. 15—16.